

Идеолог антипольских настроений Степан Бандера неприемлем для Польши как герой Украины, которым хотят его видеть местные националисты

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

Время несбывшихся надежд

Тема изучения гейдельбергской группы историков — Восточная Европа периода окончания Второй мировой войны. Эта статья об Украине и Польше после 1945-го и их взаимоотношениях с Москвой. Именно эти тема и время вызывают сейчас немало исторических и политических споров. Подробности — в материале профессора истории **Тани Пентер** для «Д».

Таня Пентер

«Ф

ашисты доживают последние часы. Наши сердца радостно взволнованы. Наши близкие. Мы с нетерпением ждем их, освободителей», — писал в своих заметках украинский ученый Михаил Уськ, которому пришлось жить под немецкой оккупацией в Харькове, во время операции по освобождению города советскими войсками. «Но как они оценят нашу по большей части вынужденную службу немцам? — вопрошал он тревожно. — Провокация из числа немцев распространяют слухи о якобы терроре «красных», расстреле всякого, кто работал на немцев. Взор! Вранье!» И далее: «Население Харькова... столько перестрадавшее, по достоинству оценит советскую власть. Это будет самое преданное, самое послушное население, самое лучшее в работе. Оно глядело в глаза голодной смерти, оно несло жертвы близкими, оно несло физический и огромный моральный гнет, оно знает, что такое рабство, оно терпело холод, оно сидело без воды и света». Отсюда «колоссальные перемены в отношении людей к советской власти. От злости и недовольства советской властью, как в те дни, когда немцы только пришли, теперь уже ничего не осталось».

Надежды и чаяния многих, что советская власть после триумфальной победы сменит курс и пойдет навстречу своим гражданам, которые хотели хлеба и больших свобод, вскоре сменились разочарованием. В первое время после войны будни большинства советских людей по-прежнему напоминали нескончаемое чрезвычайное положение, аналогичное ситуации в 1930-е годы и в годы войны. Казалось, крайняя нужда одержала триумф над победой.

Современники помнят, что сразу после войны все разговоры вращались вокруг того, как пережить застрашанный день. Зимой 1946—1947 годов после засушливого лета снова случился голод, охвативший Украину и часть регионов России и унесший до 1,5 млн жизней.

«Конец войне, победа, ура! Наконец, пришел этот долгожданный день. Мне трудно описать свои чувства. Как много ужасов нам пришлось пережить за эти годы, и вот теперь все в прошлом!» — писала киевская студентка Нина Герасимова 9 мая 1945 года в своем дневнике.

Однако окончанием войны на Украине было связано немало трагедий. Будучи одним из главных театров военных действий Второй мировой, Украина пострадала очень серьезно: большинство городов лежали в руинах, объекты промышленности были разрушены. К этому добавлялись огромные человеческие потери, кото-

рые, по оценкам, составили от 6 млн до 9 млн человек. Около 1,5 млн украинцев пали жертвами холокоста. 2,4 млн человек, преимущественно молодых женщин, были вывезены в Третий рейх в качестве принудительных работников.

Преступления немецких оккупационных властей на Украине, включая массовые убийства украинцев евреев и цыган, уничтожение больных и инвалидов, унижающее человеческое достоинство обращение с советскими военнопленными в лагерях на территории оккупированной Украины, до сих пор не получили должного исследования, хотя и являются объектом большого гейдельбергского исследовательского проекта. Людские потери Украины усугублялись 4 млн смертей, вызванных масштабным голодом в 1932—1933 годах, ответственность за который несло сталинское руководство.

Жертвы Второй мировой войны, немецкой политики оккупации и уничтожения, выпавшие на долю украинцев, до сих пор не получили должного отражения в европейской культуре памяти. И потому следовало бы дополнить памятник польским жертвам немецкой оккупации, который планируется установить в

Берлине, украинскими и другими восточноевропейскими жертвами оккупационных властей. Окончание войны принесло Украине не только расширение территории в границах, согласованных в подписанном в 1939 году пакте Молотова — Риббентропа в связи с советской аннексией Восточной Польши. На Ялтинской конференции союзников по антигитлеровской коалиции «линия Керзона» была окончательно признана западной границей СССР. Отныне почти все украинцы жили в одном государственном формировании — Украинской Советской Социалистической Республике.

Однако политическая и экономическая интеграция Западной Украины являла собой колоссальный вызов для советской политики послевоенных лет. В первые годы в центре внимания советских органов, и прежде всего спецслужб, оказался разгром украинских националистических сил, что связывало большие ресурсы. Участники Украинской повстанческой армии (УПА) после окончания войны продолжали свою активность на Западной Украине и совершали диверсии и покушения на представителей советского государства, подчас пользуясь явной поддержкой части населения.

Надо заметить, что такая война на Западной Украине не стихала до середины 1950-х годов. После 1945 года на территориях Восточной Польши УПА параллельно вела войну с польскими властями.

Поздние сталинские годы на Украине в целом прошли под знаком но-

вой борьбы с украинским национализмом, сопровождавшейся репрессиями против украинской интеллигенции и усиленной политикой русификации. Советское руководство реагировало на проблемы послевоенного периода обращением к репрессивным средствам довоенных времен и пыталось установить контроль над населением с помощью старых проверенных рецептов: чисток, репрессий и пропаганды.

К 1953 году советские спецслужбы арестовали в масштабах страны более 320 тыс. граждан, обвинявшихся в коллаборационизме с фашистами, в том числе 93,59 тыс. человек на территории Украины. Большинство из них получили продолжительные тюремные сроки или были приговорены к принудительным работам на срок от 10 до 25 лет и даже к высшей мере. Среди осужденных были не только политики, расправлявшиеся с согражданами по поручению немцев, но и бывшие принудительные работники, насильно вывезенные на территорию Третьего рейха, а также обычные женщины, которым вменялось в вину, что они обслуживали немцев.

Опасения Михаила Уська оправдались: подозрения в предательстве Родины на Украине пали не только на

активных помощников, но и на всякого, кто жил под оккупацией. В документы нескольких миллионов жителей, оказавшихся в оккупации, после войны внесли пометку, которая ограничивала их карьерные возможности и могла приводить к другим проявлениям дискриминации.

Одновременно советскому руководству приходилось идти на все новые и новые прагматические уступки специалистам, так необходимым для восстановления народного хозяйства. Для такого восстановления массово использовались новые группы принудительных работников, среди которых были репатриированные оstarбайтеры и советские военнопленные, а также военнопленные немцы и этнические немцы из числа гражданского населения, которые вывозились из Восточной и Южной Европы в Советский Союз. На некоторых предприятиях в центральных районах Донбасса в октябре 1945 года до 80% занятых приходилось на долю такой несвободной рабочей силы.

Масштабные этнические чистки были характерны для первых послевоенных лет по всей Центрально-Восточной Европе: около 800 тыс. поляков (преимущественно с Украины) были депортированы на Запад, более 500 тыс. украинцев, нередко с применением жесткой силы, переселены советским НКВД из Польши на территорию УССР. Около 150 тыс. украинцев, не согласившихся покинуть родные места, весной 1947 года были принудительно перемещены в пределах Польши с юго-восточных на северные и западные терри-

тории (так называемая «акция „Висла“»). Данная мера была направлена на культурную ассимиляцию украинцев в польской среде.

Почти вся полнота ответственности за «акцию „Висла“» лежит на польских формированиях, но проводилась она по согласованию с Москвой и служила, в частности, ослаблению украинского сопротивления. В то же время около 200 тыс. западных украинцев в Советском Союзе отправились в сибирские лагеря. Послевоенные правительства Советского Союза и Польши координировали друг с другом проводившиеся ими этнические чистки, по обе стороны советско-польской границы стремились к тому, чтобы на их территории не оставалось соответствующих меньшинств.

После того как евреи и поляки еще в годы войны стали жертвами политики национал-социалистов, направленной на истребление, и многие украинские немцы покинули Украину, русские стали самым многочисленным национальным меньшинством. После 1945 года на западе Украинской ССР селились десятки тысячи специалистов и рабочих. В результате войны и послевоенных чисток Украина лишилась своего полиэтнического характера, который складывался веками.

Общая история этнических чисток — это тяжелое наследие как для поляков, так и для украинцев. Еще в годы войны стали разгораться кровопролитные конфликты: Украинская повстанческая армия с 1943 года в Волыни и Галиции осуществляла теракты в отношении польских поселенцев, жертвами которых оказались около 100 тыс. поляков, в том числе много женщин и детей. В свою очередь, польская Армия Крайова истребила около 20 тыс. украинцев.

Украинские «исторические» законы, принятые в 2015 году и безоговорочно признающие участников ОУН и УПА «борцами за независимость Украины», многими в Польше были встречены в штыки. Некоторые польские историки считают, что распри украинцев и поляков — это не мирный польским населением равнозначный геноцид. Изменения, внесенные в законодательство Польши в 2018 году, провозглашают расследование преступлений украинских националистов в отношении польских граждан одной из главных задач польской исторической политики. Политические отношения между Украиной и Польшей, в 1990 годах взывших курс на взаимное сближение, снова все больше омрачаются историко-политическими разногласиями.

Конкурирующие толкования истории Второй мировой войны становятся сегодня пороховыми бочками под фундаментом украинско-российских, украинско-польских и российско-польских отношений. Со времени Евромайдана, аннексии Крыма и начала войны в Донбассе пропагандистские искаженные интерпретации истории Второй мировой использовались обеими сторонами как «оружие» в актуальных политических конфликтах и для мобилизации собственного населения. Похоже, тяжелое наследие Второй мировой войны и впредь будет становиться серьезным вызовом для государств на территории бывшего Советского Союза.

СУДЬБА

Несвободный выбор

Считается, что все годы существования ГДР только ее граждане искали лучшей жизни на Западе. Но сейчас открывается немало обратных историй, например о том, как натовские военные время от времени дезертировали и искали прибежище в ГДР. Историю одного из них, француза Симона Ле Роя, рассказывает **Петер Кёпф**.

1 декабря 1953 года. Небо затянуто ленивыми облаками. В Берлине 12 градусов тепла. Французский солдат Симон Ле Рой садится в метро на станции «Биловштрассе» в западной части города, чтобы добраться до восточно-берлинского района Фридрихсфельде. Он энергично шагает по Тресковаллее и уверенно заходит в здание советской комендатуры, где просит убежище и работу в ГДР. Об этом свидетельствует отчет в его личном деле в «Штази» MfS AP 11632/62, датированный 9 декабря 1953 года.

Ле Рой был не единственным военнослужащим из стран Западной Европы и США, дезертировавшим в надежде на новую жизнь в ГДР. До строительства Берлинской стены в 1961 году было зарегистрировано около 200 таких случаев.

У кого-то из перебежчиков были на то свои причины: французы и американцы не хотели умирать на полях сражений в Азии и Северной Африке, несколько афроамериканцев — поступать с чувствами к немецким женщинам в угоду белым служащим или из страха перед Ку-Клукс-Кланом. Встречались и английские коммунисты, и голландские искатели приключений, и преступники всех национальностей, которые рассчитывали уйти от военного суда. Наконец, были 40 военнослужащих-французов, одним из которых и оказался Ле Рой.

Симон Димитрий Ле Рой, родившийся 4 февраля 1935 года в нормандском городке Эзи-Сюр-Эр в 60 км к западу от Парижа, был сыном украинского эмигранта и владельца резиновой фабрики Симона Созонтива и французкини. Он хорошо учился и после школы поступил на химический факультет.

Он мог добиться многого, перед ним был открыт весь мир. Но какой 18-летний юноша захочет беспрекосливо повиноваться отцу, да еще и убежденному капиталисту, который собственному сыну давал не больше поглажек, чем простому рабочему?

Симон Ле Рой жаждал вырваться из зависимости от семьи. Единственным выходом ему казалась армейская служба. В июне 1953 года он получил «личный номер 2965» и был распределен в казармы в Берлине.

Спустя считанные месяцы Ле Рой в этом раскаялся: за два дня до того, как ему предстояло через Марсель отправиться морем в Индокитай, он дезертировал, чтобы искать прибежища в ГДР.

3 декабря Ле Рой собственноручно, фиолетовыми чернилами дал советскому коменданту следующее объяснение своего поступка: «Политика французского правительства кардинально противоречит моим убеждениям». Дескать, Франция не свободная страна, а «пленник американского капитализма».

На третий день Ле Роя выпустили из «русской» комендатуры и передали гдзэровским властям, точнее, Министерству госбезопасности («Штази»). В доме у озера за каменной оградой, «сувенчанной» стеклянными осколками, его допрашивал «д-р Хубер», который снова и снова заставлял француза записывать свою биографию. Наконец, Ле Рой взял в руки карандаш и написал на коричневом листе бумаги: «Я отказываюсь служить во французской армии, оплачиваемой американскими капиталистами». Он просил разрешения остаться в ГДР в качестве «политического беженца».

После этого восточногерманское информационное агентство ADN распространило сообщение, опубликованное газетой Социалистической единой партии Германии Neues Deutschland («Новая Германия») под заголовком «Французский солдат просит убежища». Ле Рой якобы заявил: «Я считаю войну в Индокитае покушением на свободу народа, который глубоко уважаю». Но чем дальше его, одетого в пижаму в смешную лиловую полоску и бесформенные деревянные башмаки, удерживали в доме у озера, где отвратительно кормили и лишь изредка выпускали на прогулку по саду, тем больше Ле Рой чувствовал себя в тюрьме. Вместе с одним американцем он решил улизнуть, чтобы пожаловаться в советскую комендатуру.

Ле Рой смастерил отмычку, с помощью которой в один из дней в начале марта 1954 года открыл замок входной двери. Чтобы не замерзнуть на улице и безопасно перебраться через каменное заграждение с колотым стеклом, беглецы «похитили» стеганое одеяло. С пропажей одеяла «доктор Хубер» еще мог смириться. А вот то, что советские офицеры пошли на уступки и отпустили обоих нарушителей режима в Баутцен, стало для него пощечиной.

В городке на восточной окраине Демократической Республики Ле Рой познакомился с горсткой американских, английских и французских дезертиров, включая выходцев из Марокко и Алжира, не пожелавших воевать против своих братьев на родине. Перебежчики встречались на старой вилле, немногого поблекшей, но еще весьма импозантной: участники «Интернациональной акции солидарности» обустраивали там не только клуб, но и школу, где вновь прибывших обучали немецкому языку и основам марксизма-ленинизма. Большинство дезертиров были недовольны, и вскоре Ле Рой стал понимать их позицию. Ни стипендия на время обучения, ни впоследствии зарплата ему не хватало бы на достойную жизнь, сообразную его представлениям. Квартира в тесном, сыром, обветшавшем домишке.

Хуже всего было то, что ему не разрешалось выезжать за пределы административного района. Такое ограничение личной свободы для умного, открытого миру гедониста было невыносимым. Через считанные недели Ле Рой твердо решил, что не позволит держать себя взаперти.

Вскоре представилась возможность для побега; его американский «сообщник» присвоил операции английское название spring operation. Однако их приговления не остались незамеченными. «Негласный сотрудник Тейлор» донес «д-ру Хуберу», что Ле Рой написал матери в письме: «Птенец возвращается в гнездо».

Поздним вечером 20 марта 1954 года мужчины уже собирались сесть в поезд, идущий в Восточный Берлин, когда на перроне их задержали сотрудники «Штази». Брат и отец Ле Роя, видимо простивший ему глупость молодости, напрасно ждали его в Саарбрюккене, чтобы препроводить молодых людей через границу с Францией.

Той же ночью Ле Рой признал, что планировал побег. Он готов принять наказание, писал француз в тюрьме «Штази», и надеется получить второй шанс. Немногим позднее Ле Рой стал осведомителем органов госбезопасности. Такую цену он заплатил за возможность выйти из тюрьмы всего через 14 дней после неудавшегося побега. В 43-м кабинете районного управления народной полиции в июне он собственноручно написал, что обязуется подписывать отчеты псевдонимом Эрих Вольманн. Протоколы встреч, написанные офицером, который его курировал, сохранились в деле «Штази» MfS BV Ddn AGJ 595/55 P-1.

Ле Рой снова оказался на свободе, но при этом ему было запрещено выезжать за пределы района Баутцен — города, где находилась известная тюрьма «Штази». Работа была скучной, и даже любовь и женитьба не смогли примирить его с ГДР. Дух противоречия быстро усиливался. И вот 7 июня 1955 года в 23 часа «доктор Хубер» получил досадную телеграмму: около 15 часов стало известно, «что d10 в последний раз видела 5.6.55 г.» D10 было кодовым именем Симона Ле Роя в «Штази». В квартире Ле Роя сотрудников «Штази» ждало нескрытое письмо от тещи, подтвердившее подозрения.

Несколько месяцев спустя можно было заключить, что план Ле Роя увенчался успехом. Его теща призналась сотрудникам «Штази», что все беглецы благополучно добрались до Парижа. Симон Ле Рой был счастлив, устроившись на фабрику отца.

В мае 1945 года закончилась большая война, но вскоре началась новая — так называемая Холодная. Железный занавес разделил Германию на два лагеря. Не все были согласны с тем, в какой из них определила их судьба. Больше 3 млн покинули Демократическую Республику. В то же время 400 тыс. человек за ее пределами, среди которых были военнослужащие из стран Западной Европы и США, уповали на лучшее будущее при социализме. Петер Кёпф разыскал их личные дела в архивах «Штази». В 2013 году вышла его книга «Где лейтенант Адкинс? Судьба натовского дезертира в ГДР» (издательство «Х. Линкс»).